

И.И. Матвеева

Жачев

Персонаж повести А.П. Платонова «Котлован», бездомный инвалид, «жирный калека», «урод империализма». В первый раз Воцев встречает его на окраине города, куда приходит после увольнения с завода. «У калеки не было ног — одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка, держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного остатка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые, скупно отверзтые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту терлись десны, произнося неслышные мысли безногого».

Жачев — фанатик революции, воинствующий носитель идеи равенства и неприимости к «классовому врагу». На строительство общепролетарского дома Жачев возлагает большие надежды, связывая с ним конец старого города, который он намеревается сжечь с наступлением коммунизма. Стремясь скорее приблизить будущее — «рай на земле» — Жачев силой отбирает у разбогатевшей бюрократии («максимального класса») продукты питания. При этом «он нарочно стравлял продукт, чтобы лишняя сила не прибавлялась в буржуазное тело, а сам не желал питаться зажиточным веществом».

Жачев ненавидит не только партийную и профсоюзную бюрократию, но и «рвущуюся вперед сволочь» — выходцев из низов, стремящихся занять руководящую должность. За стремление Козлова уйти с земляных работ, чтобы «следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта», Жачев наносит ему мощный удар и живот, от которого тот потерял «на минуту желание наибольшей общественной пользы». Однако этот поступок вызывает осуждение менее бдительного Чиклина.

Жачев протестует против любого угнетения человека, он ненавидит наставляющие «долгие речи по радио». «Иногда Жачев не мог стерпеть своего угнетенного отчаяния души, и он кричал среди шума сознания, льющегося из рупора: “Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!..”»

Жачев признает классово чистыми только детей и вынашивает планы умерщвления всех остальных людей. С появлением в артели девочки Насти Жачев решает, что «как только эта девочка и ей подобные дети мало-мало возмужают, то он кончит всех больших жителей своей местности: он один знал, что в СССР немало населено сплошных врагов социализма, эгоистов и ехидн будущего света, и втайне утешался тем, что убьет когда-нибудь вскоре всю их массу, оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство».

Вместе с другими строителями котлована Жачев участвует в раскулачивании крестьян и отправке их на плоту вниз по реке. Однако признавая справедливость и историческую оправданность такого события, Жачев чувствует смутную тревогу, понимая, что «грустные уроды» не нужны социализму, и его вскоре также «ликвидируют в далекую тишину». Он осознает родство с людьми, находящимися на плоту, и кричит им последние слова: «Эй, паразиты, прощай!..» — «Прощай-ай!» — отозвались уплывающие в море кулаки».

Жачев — защитник идеи будущего коммунистического братства в чистом виде, поэтому по-настоящему он любит только Настю и награждает ударами тех, кто мечтает использовать будущую жизнь для своих корыстных интересов. Так поступает он на деревенском празднике с «гостевым мужиком», пожелавшим «девочку-эсесершу выдать замуж мужику».

Возвращение Жачева на овражный котлован несет ему жестокое разочарование в идее будущего братства. На котловане умирает Настя — и Жачев впадает в смертельную тоску. «Я теперь в коммунизм не верю», — говорит он Чиклину. По мнению Жачева, коммунизм — «детское дело» — не может убивать детей, поэтому Жачев навсегда покидает котлован.